

Казань.

Между Москвой и Казанью циркулирует совсем уж маленький свинтопрульный аппаратик, который я издали принял за АН-24 (в Казани такой все же был на мертвой стоянке). Впрочем, на аэродроме стояли и еще мельче самолеттики, просто игрушки.

Чертовски интересная штука — взлет! Видна была Волга, Казанка, виден был кусок Казани, только все это через полминуты скрылось в тучах. Зато потом выглянуло солнышко, а облака превратились в близкую — открывай дверь да выходи! - и очень привлекательную твердь. Голубовато-желтовато-беловато... - вата, она и есть вата. В тетрадке здесь был корявый почерк — это нас потряхивало, когда самолет прогрызал себе ход внутри этой тверди. Вверху - ясно, ярко и позитивно, солнышко! Между облаками есть глубокие ущелья и злое щие темные провалы, напоминает ледяную снежную пустыню, Арктику. Ощущение усиливают высокие темные облака вдали, которые все еще над нами.

Уже высоко, движение малозаметно, интересные подробности облачного рельефа внизу — малоразличимы. В левый борт бьет ослепительное солнце, но небо над нами — не горное, злое, а равнинное, голубенькое, доброе. Радужное недремлющее око бежит - следит за нами с моей стороны, но сильно сзади — почти вывернешь шею, пока его увидишь. Оно бдит.

Продолжаем лезть вверх, сравниваясь с границей высоких облаков. Немножко хреновато — уже дает о себе знать возраст, хотя едем на удивление ровно, обычно винтовые тарактелки в воздухе заметно качаются на колеях и кочках воздушных путей.

Ужин сначала разочаровал. Ломтик болгарского перца был великолепен — видно, не в России выращен... а колбасы — откровенно мало, а кексик — просто крошечный. Даже для такого маленького самолетика, как наш. Как чертей - на острие иглы, прикидывал, сколько таких кексов поместится у меня на ладони. 10 — запросто. Это не кекс, это печенка. Сами они кексы... Но вот — стоило только поворчать да понюхать, как мне дали добавочную порцию ужина! Попросили написать благодарность — да ради Бога! Может они (а кто — они? Вся компания Ютэйр, наверное) и не стоят того, но, когда всерьез хочешь есть, о таких вещах не думаешь.

Во время ужина нас развлекли еще одним мелким событием — нас догнали сразу два реактивных самолета, довольно близко пролетевшие над нами вперед. Блестели на солнце — аж глаза резало. Потихоньку ушли вперед, а мы потихоньку плелись своей дорогой.

Тут объявили, что мы летим на совсем смешной высоте — 6000 (хотя в горах небо уже злое на такой высоте, это просто тут как-то так вышло), а скорость — ровно *пицот* — точь-в-точь, как в том анекдоте, где военные летчики стали говорить на «пацаньем» языке, а вражеские радисты сломали мозги, пытаясь понять, что они говорят.

Солнце все еще высоко и светит так, что левый борт позакрывал шторки. Однако облачная равнина под нами стала заметно сереть (ах, хорошее словцо!). Сверху над ним — какое-то неопределенное туманное марево, становящееся радужным на горизонте. Позади нас сгущаются сумерки.

Поехали вниз... Облака бегут чуть быстрее, уши давит — чисто по-винтокрыльному, долго и нудно. В Москве холодно. Летим точно на солнце. Недремлющее око исчезло.

Ох, и медленно садимся! Типичная черта подлетающих к Москве винтокрылов. Долго и нудно, долго и нудно, долго и нудно! Самолет все время ерзает, то вниз приспустится, то маленько повернет, а то вот — зачем-то вверх пошел... Великолепный поворот! И я опять вижу солнце, низко, ниже нас, на самом краю облаков. Летим уже на юг, даже на юго-восток. Крюком Москву обходим.

Развороты — обожаю! Сильный крен, крыло надо мной в синем небе, белое, красивое. Облака уже совсем близко, проводник побежал по салону — садимся по-настоящему. Ну точно мы всю Москву облетели! Солнце опять слева — летим на север.

Мы скрылись от солнца за горизонтом, за горбушкой хоть и плоской, но все же чуть-чуть круглой Земли. Белоснежное крыло, видное мне в окошко, посерело, передние кромки

его и каких-то висюлек, свисающих с него, окрасились в красный цвет. Облака — беловатые, светлые, над ними — синяя темная мгла, выше — розовое марево заката. И снова крутимся влево. Летчику, видно так нравится! Ему, как и всем бегунам, лыжникам, конькобежцам, легче поворачивать влево...

С сильным креном — опять влево - как лихие ковбои, на полном скаку ухаем в облачную твердь. Бррр... сильно трясет. В тетрадке щас у меня жутко корявый почерк, все прыгает. Крыло блестит — видно, намокло. На нем отражается проблеск. Внутри облаков темно и как будто душно, тревожно. Вот бы врезаться в какую-нибудь скалу! Жаль, под Москвой нет скал... Кончик крыла еле виден во мгле, и нас продолжает крутить влево. Кажется, что пилот решил поиграть в штопор! Очень длинные, очень плотные облака. Опустились закрылки, мотор завыл по-другому, настроение — напряженность. Утомляет. Внизу видны фонари! Земля почти черная, тут ночь, фонари, вдали море огней — Москва.

Стою в аэропорту, принципиально не сажусь — все четыре часа так и буду стоять. Ночь уже абсолютно полная, честная. Жизнь тут кипит и не затихает ни на минуту. Самолеты садятся и взлетают с поразительной плотностью. Один — только сел, другой уже виден — фары в небе, вынырнул из облаков, тут же еще один взлетает — только успеваешь увидеть его подпрыгнувшим — и переводишь взгляд на парочку других, едущих куда-то по своим делам. Я пытался следить за всем этим кипишем, хотел разобраться, кто куда и зачем... Только запутался в этой куче разъезжающих влево и вправо самолетов. Заметно было, что в некоторые промежутки времени больше взлетают, в другие — больше садятся.

...и вот еще один
посадочный сезон...

Было время, когда площадка, где пасутся по преимуществу самолеты Ютэйра, почти совсем от них очистилась. И от самих самолетов, и от всякой бескрылой мелюзги на колесиках, которая шныряет между ними, как рыбки между акулами, большими, белыми и вальяжными.

Но мне надоело стоять полтора часа на одном месте, и я пошел пройтись по залам, а когда снова подошел к окну — прямо на меня катился по полю самолет, и мне стало интересно — куда поедет? Вот он величаво — ну прямо как я на роликах! - повернул сначала в одну, потом в другую сторону и покатился все-таки к посадочному месту. Там к белым красивым самолетам подкрадывается страшное чудовище — выдвижной коридор на колесиках, ведущий прямо из здания - прямо в самолет. Он раздвигается в длину подобно то ли прямой кишке, то ли выдвижной челюсти Чужого, а на конце у него — свернутая набок гофрированная челюсть для плотного обхвата двери самолета. Впрочем, смотрится жутковато, но идти внутри этого пищепровода комфортно, лучше, чем скакать на морозе.

А они тем временем все взлетают и взлетают! Сколько их тут? Заметно даже по огонькам в ночи, что самолеты разные. Прямо возле нас, соединенные кишечниками со зданием, стоят упитанные кургузые боинги. Давно заметил, что все боинги — какие-то слишком правильные, что даже скучные. А вот все остальные теперь, после знакомства с ними — неправильные, корявые, похожие на ошибку природы (или инженеров). Боингов здесь два сорта — одни с хвостиками на крыльях, другие без. Те, которые без хвостиков, взлетают особенно круто — это я тоже вычислил.

...маленькие хитренькие машинки
водят большие самолеты за нос...

Ставят они их всегда хвостом вперед — ну, не обманщики ли! - так что самолет потом должен развернуться своим ходом по кругу. Со стороны этот реверанс смотрится довольно элегантно — как будто специально для эстетики и был задуман. Потом самолет долго-долго катается на своих маленьких колесиках назад и вперед по всему аэродрому, пока, наконец, не побежит на взлет. Кстати, когда сидишь внутри, кажется, что все происходит очень быстро.

...ну че, приятель? Вот ты и сел! Катись теперь на свое место, там тебя заждались
кишка на колесиках...

...а вот — повели новую ночную бабочку, значит, скоро полетит...

Ну, разлетались! Пока мы садились в самолет, взлетело двое, сбоку от нас гонял

двигоны еще один. С хвостиками. А нам на этот раз достался без хвостиков. Зато со знакомою проводницей. Той самой. Под окошком у меня — передняя часть крыла, еще бы ряд дальше — и оно бы загородило весь вид вниз. Я видел, как самолет ныряет в облака — сначала немного посветит фарами в тумане, тогда его окружает светящееся клубящееся облако — романтично.. А потом исчезает во мгле.

Мы поехали на старт. Синенькие огоньки — какая прелесть! Трясет, асфальт дрянной, самолет заметно машет крыльями. Поворот направо, поворот налево... Перед нами, однако, еще один желающий взлететь. С хвостиками. Интересно, догнал бы я его на роликах?

«Хвостатый» побежал — и мы в ту же секунду поехали на его место. Да, здесь нет и тени той медлительности, что видна из окна аэропорта. Ха, а перед нами успел проскочить еще один «хвостатый»! Ну дает! Мы едем, как хороший роллер, или даже велосипедист. Стоп! Тормоз, явно колесный, потому что скрипит, как несмазанная телега. Вот тут стоим действительно долго, напряжение нарастает. Москва светится со всех сторон... Поехали. Буквально пару секунд удалось полюбоваться огнями аэропорта — чисто новогодняя елка, очень красиво! - и все потонуло в облаках. Никакой романтики, одна чернота за окнами, никакого мур — одно сплошное мяу. Облака пробили быстро — ну боинг же! - лезем в горку. Короткое время порадовал вид облаков, подсвеченный снизу оранжевым, недалеко мигал огоньком такой же бедолага, как и мы, может, наш задний (мы были предпоследними в этой пачке самолетов), в небе буднично светила звезда...

Красиво помигал красненьким и посветил зелененьким встречный самолет, без фар, то ли наш передний, то ли на посадку, а потом далеко под нами, на самой поверхности облачного слоя, зажегся яркий огонек, и он ехал в нашу сторону и освещал себе путь впереди фарами — ни дать-ни взять машина на ночной дороге... Мы выключили фары, включили свет, пейзажи совсем кончились. В окно виден был только белый ровный огонек на конце крыла да то, как проблеск делает отблеск на моторе. Красный, тревожный. Этот раз че-то с ушами неладно... У кого-то из нас — у меня или у компрессора — давление скачет.

Проводница хороша — темная челочка прямо на глаза, вздернутый носик... и никакого бюста. Странно, но очень гармоничный образ. Помощница — крашенная и хитрозаплетенная — гораздо бледнее и скучнее. Как и на пути туда, взял себе красненького, пусть всем будет хуже. Жидковатое, как мне кажется. Или так всегда бывает? Попробовать бы где-нибудь в Израиле... Или в Испании... Или в Грузии... Как знать, где идет настоящая жизнь. Может, в Томске она даже настоящее, чем в теплых странах.

... я фармацевт, я пью одно
стаканом красное вино.

Вникаю во вкус напитка. Ну... наверное, бывает и хуже. Интересно, если посчитать по звездами — сколько сейчас времени? Вылетели в пол одиннадцатого и пересекаем, пересекаем часовые пояса... Ну, часовые — может, не так часто, а вот минутные... Каждую минуту и пересекаем.

А писать после вина стало неудобно! Хоть чуть-чуть, а вставляет в мозги. В душе — мир и равновесие, продолжается бал, с которого я попаду сразу на корабль... Уже предупредили: в Томске — снег с дождем. Мой нож! Если бы Ирка не подвела, он был бы со мной. Он все еще лежит где-то там, на склоне горы, полузарывшись в землю... он зовет меня — ох! Больно... И с этого момента — не для посторонних глаз! Сюда надо Юль О., чтобы она держала руку наготове, бить меня по губам в случ чаво... Голос зовет.

Караул!!! У мну кончается бумага. А проводница не даст — я ее уже спрашивал в прошлый раз. Она мне улыбнулась совершенно лучезарно, но мне нужна была не ее улыбка, а бумага... Я ей хотел сказать сейчас: «А у вас опять нет чистой бумаги?» - но этот боинг такой шумный! Ниче не слышно. Наши «тушки» были гораздо тише. Кажется, это не мотор, а компрессор, тарыхтит где-то над головой, задолбало...

Состояние истерическое, это не в смысле души, а в смысле тела. Щас бы броситься, как в Казани, не раздеваясь и не расстилаясь, по диагонали, на большую двухспальную кровать!! И свет вырубить, и телик не включать, никаких друзей-подруг... эх... Хоть бы жрать

принесли, что ли!

...и они тут же принесли жрать.

28.10.11, 4 часа ночи.

...насытив чрево, вроде, пищу богов,
я получил лишь разжижение мозгов...

..оставить тягу к перемене мест,
похоронить литературный манифест...

... я улыбался, словно твой чеширский кот,
и на розарии молился целый год

..не провалиться б в то безумие опять,
чтоб ямбадактилем глаголы рифмовать...

...и все проблемы прогоню я со двора,
вот лишь немного отойдет моя хандра.